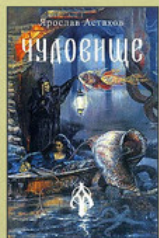

Ярослав Астахов

Начало опыта

*Часть сборника
Чудовище (сборник)*

Ярослав Астахов
Начало опыта
Серия «Чудовище», книга 3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161388
Чудовище: Альва-Первая; Москва; 2005
ISBN 5-98668-003-0

Аннотация

Жанр "ужасы" с элементами научной фантастики.
Оригинальное преломление темы. Прекрасный стиль.

Этот рассказ является частью сборника Ярослава Астахова
"ЧУДОВИЩЕ" (повести и рассказы).

Приобретая текст "Начало опыта", Вы сможете судить о
качестве книги в целом.

Ярослав Астахов

Начало опыта

Вы спите. И вот внезапно охватывает вас ужас. Не то, чтобы его породило какое-либо из сновидений ваших. Напротив, это начинает чувствоваться угроза, пришедшая *извне* сна. И сновидения закручиваются вихрем кривляющихся кошмаров.

Такое может произойти, к примеру, если занимается пожар в подвале вашего дома. Вы крепко спите... но все же некий древний инстинкт подсказывает, что именно означает этот легчайший и раздражающий, тем не менее, запах гари. И вот они ведут спор: инстинкт и ваш здравый смысл. Последний властен у современного человека даже во сне – так нас выдрессировали.

И спор этот накаляется, но стороны не способны прийти к решению. А морок, между тем, длится. И близится неумолимо тот миг, когда пути к отступлению будут, уже, отрезаны...

Возможно испытать и гораздо более сильный ужас во время сна. Представьте, что окно вашей спальни взломано. И это сделано профессионально, то есть не заметно со стороны и тихо. Настолько тихо, что вы и не подумали просыпаться, ибо ничего не слышали.

И вот у вашего ложа стоит грабитель. Вы продолжаете

спать, но какой-то частью души вы это все равно знаете. Есть тонкая грань сознания, которая всегда бодрствует. И вот она вам свидетельствует... она кричит об опасности! И вы бы обязательно пробудились... если бы привыкли обращать внимание на этот крик.

Но современный грабитель-взломщик имеет дело как раз с такими, которые *не* привыкли. И вот он размышляет, неспешно, что в смысле его «работы» сейчас целесообразнее: просто перерезать вам горло или договориться, что вы позволите крепко себя связать, и заткнуть вам рот?

Но ужас, охвативший тяжелыми ледяными щупальцами душу Максима Елагина, спавшего на роскошном ложе, был много, много сильнее.

Он был *непереносим*. И тщетной была родившаяся надежда, что, как только его сознание сможет пробиться в явь – страх исчезнет. Максим еще не проснулся, но сумел вспомнить: подобного теперь не случается. Кошмары исчезали по пробуждении только раньше, в нормальной жизни.

Но эта жизнь уже давно как отошла для Максима словно бы в глубокое прошлое, сделалась нереальной.

Теперь единственный и самовластный кошмар обитал вот здесь. В *чертогах*, как именовал Максим это фантастическое причудливое вместилище (или все же – пространство?).

Он оказался здесь в результате идиотского безрассудства.

В *чертогах*... абсолютно реально существовало многое из того, что может разве только нарисоваться в мечтах о какой-то необычайной, феерической жизни. В *чертогах* не было, кажется, только лишь одного.

Выхода.

Сон исчез.

А безудержный страх нарастал, как если бы Максиму было известно совершенно точно: нечто невообразимо жуткое совершится вот сейчас с ним, с минуты на минуту!

Или происходит уже теперь, но с кем-то другим. Рядом, вот за этой стеной, отделанной панелями дорогого резного дерева.

Из-за стены не доносилось ни звука.

И ничего – пока – не изменялось тут, в комнате.

Но тем не менее ужас прибывал, ощутимо, словно вода, рвущаяся из открытых кингстонов тонущего на глубине судна!

Еще недавно в подобные отчаянные минуты Елагин вскакивал и метался по просторному помещению. Искал несуществующий выход. Искал оружие...

Теперь он хорошо понимал, что это бессмысленно. У него было достаточно времени, чтобы убедиться: в *чертогах* нет ничего, что можно было бы использовать как средство само-

защиты.

От изукрашенных резьбой стульев не удавалось отломать ножку. Изящный графин с вином, размерами куда больше напоминавший амфору, был прозрачен, его материалом служил, по видимости, хрусталь, но это был какой-то такой хрусталь, который нельзя разбить.

Сжимаясь в нервный комок, Елагин обегал комнату напряженным взглядом. Он был не в состоянии расслабиться, хотя и хорошо знал из опыта: в эти периоды сводящего с ума страха не появляется ничего реально опасного.

И не от кого защищать ни себя, ни женщину, имя которой не было известно ему до сих пор, хотя она разделяла с ним заключение его здесь долгое уже время.

Или это ему так казалось, что долгое. На смену времени суток в *чертогах* не указывало ничто.

Разбуженная половодием страха – раньше, чем он – она сидела выпрямившись напротив него на широком ложе.

Ее дыхание сбилось. Темные соски вздрагивали на колышущейся груди. Слезы не текли теперь из раскосых глаз, но тонкие пальцы рук, сцепленные, побелели меж инстинктивно скрещенными по-восточному голеньями.

Японка? Китайка? Жительница Тибета?

Елагин не силен был в антропологии. Не знал он также иностранные языки (разве только английский – поверхностно), но это знание мало бы помогло ему. Потому что жен-

щина предпочитала молчать. Он слышал от нее лишь рыдания. Иногда, в периоды случайного и хрупкого забытья – тихий, печальный смех. И только уж совсем редко, сквозь сон, до слуха долетали гортанные восклицания, жалующиеся, приглушенные. Какие-то неведомые слова, звучавшие словно внезапное и несильное касание струны музыкального инструмента.

Особенные некие *струны*, кстати, были здесь где-то рядом.

Невидимые, они как будто бы стерегли всякое учащение их сердец.

Таинственные эти источники музыки никогда не спали. Вот и теперь в воздухе уже текла, разливаясь и нарастая, причудливая мелодия, сделавшаяся привычной для Максима и женщины. Неуловимо и гибко переменяющаяся на разные лады. И словно бы она обволакивала и останавливала любую мысль, укачивая в коконе звуков...

Дыхание непроизвольно выравнивалось. Елагин видел: женщину переставала бить дрожь.

Багровая глухая портьера, скрывающая окно, огромное, типа венецианского, пошла в стороны.

И сделалась видна широкая терраса балкона, выступившая далеко в текучий, сплошной туман. И где-то за его клубящейся пеленой, по видимому, светило солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.